

© 2008 г.

А.Н. МЕДУШЕВСКИЙ

КНИГА О МАКСЕ ВЕБЕРЕ

В эпоху радикальных социальных перемен постсоветского периода, которую мы переживаем, нам приходится решать вопросы философского переосмысления истории, чтобы понять, как настоящее соотносится с прошлым и чего можно ожидать от будущего. В чем смысл изменений, возможно ли их научное познание и какова должна быть логика этого познания, как соотносится этическая оценка и фактический анализ, возможно ли прогнозирование изменений и сознательное участие в них? Это, в сущности, "вечные вопросы" философии истории и историографии. Для современного мыслителя не менее, а, возможно, даже более важно, чем для предшественников, ответить на вопрос о том, как соотносится наука и политика: может ли ученый заниматься политической деятельностью и, наоборот, политик – решать задачи научного познания реальности. Где должна проходить этическая граница, за которую ученый не имеет права переступить в своих рекомендациях политикам, что такое вообще политика, если понимать ее не в чисто технологическом смысле? В какой мере ученый может сотрудничать с авторитарным политическим режимом, вся логика которого основана на иерархии подчинения, а не рациональных научных аргументах?

Эти вопросы на рубеже XIX–XX вв. были поставлены в германской философии и социологии, прежде всего в классических итоговых трудах М. Вебера, таких, как "Наука как призвание и профессия" и "Политика как призвание и профессия". Вебер пришел в них к выводу о том, что эти две сферы деятельности несовместимы, им присуща различная познавательная логика, вообще – разный тип личности. Если ученый стремится установить истину или хотя бы приблизиться к ней путем трудоемких эмпирических исследований и создания понятийных конструкций, то определяющим качеством политика является ненасытное стремление к власти, его целью является достижение власти и убеждение окружающих в своем праве на обладание ею. Ответственность ученого – беспристрастный и этически нейтральный анализ, отказ от нравственно опасных средств; ответственность политика – готовность взять на себя ответственность и при этом поставить на карту собственную душу, пойти на необходимые компромиссы с нравственной позицией ради достижения цели. Профессор, который пытается воздействовать на молодежную аудиторию в качестве идеологического демагога – превышает свои полномочия, политик, выступающий как ученый, теряет мобильность и эффективность в достижении цели. Вопреки Платону идеал философа-правителя, следовательно, не реализуем. Этому выводу, однако, противоречит жизнь самого Вебера, который, оставаясь ученым, был вовлечен в политику и черпал из нее идеи для своих исследований. Данное противоречие позволяет разрешить книга Марианны Вебер¹ – жены мыслителя, представляющая собой описание его жизни и формирования его как ученого и политика. Это – тонкий психологический и интеллектуальный портрет Вебера, напи-

Медушевский Андрей Николаевич – доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН, главный редактор журнала "Отечественная история".

¹ *Вебер М.* Жизнь и творчество Макса Вебера. М.: РОССПЭН, 2007, 655 с.

санный чрезвычайно талантливо благодаря исключительной духовной близости двух людей на основе личных впечатлений, переписки и воспоминаний друзей.

Несколько слов нужно сказать об авторе книги. Марианна Вебер родилась в 1870 г. в семье врача, урожденная Шнитгер. В 1893 г. она вышла замуж за Макса Вебера, которому приходилась двоюродной племянницей. С 1898 г. активно участвовала в женском движении, в 1919–1923 гг. – первый председатель Союза немецких женских объединений, член Демократической партии. Когда в 1920 г. Вебер скончался, она пережила душевный кризис, преодолеть который ей помогла работа над изданием трудов покойного супруга (скончалась Марианна в 1954 г.). В рамках этой работы она и написала книгу, которая вышла в 2007 г. в русском переводе и о которой пойдет речь ниже².

Созданный ею портрет существенно отличается от того образа мыслителя, который можно составить на основании собственно его научных трудов. Научный вклад Вебера фундаментален и очевиден: новая философия исторического познания и создание основ современной социологической теории; теория идеальных типов; концепция перехода от традиционных отношений к рациональным; преодоление односторонности исторического материализма и выявление роли религиозных и этических факторов в формировании современного капитализма; вывод о доминирующей роли бюрократии в современном обществе. Но менее известно, как Вебер пришел к этим выводам и как он видел их возможное практическое применение.

Как показывает Марианна, Вебер постоянно пытался совмещать две сферы деятельности: с одной стороны, его научные интересы определялись политическими проблемами его времени, с другой – они, несомненно, оказали влияние на политический процесс и всю последующую историю Германии. Формирование взглядов Вебера проходило под влиянием родственников его отца – члена городского совета и депутата парламента от национал-либералов. В него входили выдающиеся ученые и политики, обсуждавшие перспективы либеральных реформ и объединение Германии. Нет ничего удивительного в том, что уже в школьные годы изучение античных классиков и истории дополнялось глубоким интересом к философии Спинозы и Канта, а также политических мыслителей: "В 12 лет он сообщает матери, что одолжил "Principe" Макиавелли, затем предполагает прочесть Antimacchiavell и заглянуть также в работы Лютера" (с. 45). Позднее некоторые исследователи (например, Р. Арон) усматривали следы этого чтения в макиавеллизме М. Вебера.

Однако в основе мировоззрения Вебера лежала, скорее, протестантская этика, свойственная его семье, и неокантианская философия, ставшая основой немецкой социальной мысли, для которых характерен жесткий моральный выбор – поиск такого способа самореализации, который связывает практическую деятельность с нравственным императивом. Этим объясняется стремление разграничить веру (как область непостижимого) и научное мышление (как область деятельности разума), создать систему ценностно нейтральных понятий научного познания мира, освобожденного от мифов и предрассудков, представление о свободе как основе творческой самореализации и моральной ответственности человека в обществе, индивидуализм как выражение осознанного личного выбора и чувства долга. Эти взгляды определили интеллектуальный поиск всей жизни, состоявший в создании научных (эмпирически проверяемых) категорий, способных стать ориентирами практики – рациональной политики. В студенческие годы интерес к политике нашел выражение в выборе сферы научных интересов, в которую были включены право и политическая экономия (Вебер окончил два факультета), точнее – той междисциплинарной области, которая позволяла использовать классическое образование для решения вопросов современности. Изучая юриспруденцию, Вебер стремился понять логику исторической смены форм права, обращаясь к истории – он хотел отыскать в ней устойчивые, повторяющиеся институты, выявление которых необходимо для конструирования моделей – идеальных типов. В этом состоит смысл "свободы от

² Weber Marianne. Max Weber. Ein Lebensbild. Tübingen, 1926.

ценности" социологических и экономических наук, прежде всего категорий созданной Вебером "понимающей социологии".

Трудность поставленной задачи определяла "нетипичность" интеллектуального и жизненного пути Вебера: он не мог идти по проторенной дороге социально поощряемого поведения – был "недостаточно практичен для чиновника и недостаточно аккуратен в повседневных делах" (с. 98). Нет оснований не доверять Марианне, когда она пишет, что Вебер тяготился службой в армии, важность которой не отрицал по патриотическим соображениям, практической работой реферндария в суде, которую он вспоминал "с ужасом", и даже преподавательской деятельностью, которая нравилась ему, но в то же время отвлекала от истинного предназначения – занятия политикой. Научная работа, например, в области юриспруденции, привлекает его как интересное занятие, но не как содержание жизни, ибо его не менее интересуют политические и социальные проблемы, к тому же его волевой характер требует большой ответственности, "потока жизни и штурма действий" (с. 146). Академическая деятельность в ее классическом (немецком) понимании отвергалась Вебером именно в силу ее оторванности от действия: "Я, – констатировал Вебер, – не являюсь, в сущности, подлинным ученым: научная деятельность для меня слишком связана с заполнением часов досуга, хотя я вполне понимаю, что успешно заниматься научной работой можно только полностью отдавая ей" (с. 148). Эти колебания сохранились и в дальнейшем: "Если я, – говорил позднее Вебер Л. Brentano, – и достиг в академической деятельности успехов, к которым не стремился и на которые не претендовал, то они оставляют меня холодным и не дают мне ответа на вопрос, нахожусь ли я на этой стезе на подходящем для меня месте" (с. 199). "Познание действительности, ее подчинение рассудку, – суммирует Марианна, – может быть для этого человека лишь предварительной ступенью для непосредственного формирования ее действием, ибо кажется, что этот человек еще больше, чем для мышления, рожден для борьбы и господства" (с. 149). Имеется в виду, конечно, политика – в высоком смысле слова: идеологическая полемика, размышления о государстве и перспективах его развития.

Этот внутренний конфликт между научной и политической ориентацией хорошо показан в гл. VII книги – "Молодой преподаватель и политик", где отражены первые выступления Вебера по вопросам аграрных отношений в Германии, его дружба с Ф. Науманом (основателем движения христианской демократии), участие в разработке концепции национально-либеральной программы для решения текущих социальных проблем. Эти общие ориентиры сохранились и в дальнейшем, определив не в последнюю очередь выбор тем основных исследований: "Протестантская этика и дух капитализма"; труды по социологии религии; работы по аграрной истории – стали попыткой ответа на вопрос о доминирующих мотивах хозяйственного поведения различных наций. В сущности, речь шла всегда о выработке научной концепции политики права – разработке законодательства исходя не из теоретико-моральных соображений (которые к тому же не могут быть одинаково приняты всеми сторонами конфликта), а из практических интересов национального государства, вынужденного отстаивать свои интересы в условиях беспощадной конкуренции на мировой арене.

Разнообразие тематики работ Вебера (отраженное в ценной библиографии его трудов, составленной Е. Н. Балашовой для настоящего издания) в литературе о нем часто объясняется импульсивностью его характера, жизненными обстоятельствами (болезнь и связанный с нею длительный отход от преподавательской деятельности), вызовами времени. Книга Марианны Вебер позволяет, на наш взгляд, найти этому другое объяснение. Оно состоит в том, что выбор тем конкретных исследований объяснялся, скорее, стремлением эмпирически проверить общесоциологические гипотезы, вывести понятия, адекватно объясняющие институты и формы социального поведения в истории и современности, сконструировать такой тип политических решений, который давал бы возможность при их принятии опираться не на интуицию, но на научный прогноз. Так, исследования по аграрной истории древних цивилизаций велись параллельно с разработкой вопроса о положении остэльбских сельскохозяйственных рабочих и влиянии на

него польской эмиграции в Германии; обращение к вопросам социально-экономической истории (торговых обществ и городов средневековой Европы, биржи, протестантских религиозных сект) и права (в частности, рецепции римского права и формирования слоя легистов на Западе) было ключевым элементом для формулирования теории рационализации социальных отношений при капитализме; проблемы социологии религии являлись отправной точкой при разработке типологии форм легитимности власти; вопросы сравнительного конституционного права были важны для концепции парламентаризма и рациональной бюрократии; наконец, предметом специального исследования становились сами способы познания мира – интуиция, религиозная картина мира, научный анализ и прогноз, а также их представители – пророки и мыслители.

В конечном счете Вебером была сформулирована макросоциологическая теория рационализации, позволившая поставить новую проблему – о причинах своеобразия всей западной культуры в мировом цивилизационном масштабе: "Почему только на Западе существует рациональная наука, создающая доказуемые истины? Почему только здесь существует рациональная, гармоническая музыка, пользующаяся рациональными конструкциями архитектура и живопись? Почему только здесь существует сословное государство, организация профессионально подготовленных чиновников, специализация в разных областях, парламент, политические партии, вообще государство как политический институт с рационально разработанной конструкцией и таким же правом? Почему все это только на Западе?" (с. 292).

Для решения этих проблем, сохраняющих свою актуальность, идеально окружение Вебера: в него входили философы (В. Виндельбанд и Г. Риккерт), социологи (Г. Зиммель, Ф. Теннис); теологи (Э. Трельч), экономисты (В. Зомбарт, Г. Шмоллер, Л. Brentano, Г. фон Шульце-Геверниц), праведы (Р. Гнейст, Г. Еллинек, П. Хензель); политические мыслители (Г. Трейчке) и аналитики (Р. Михельс), историки (Т. Моммзен), политики (Ф. Науман), теоретики культуры (О. Шпенглер). Институционально эти контакты были закреплены в деятельности "Социологического общества", а также издававшегося при активном участии Вебера нового социологического журнала – "Архив общественных наук и социальной политики" ("Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik"). Книга Марианны Вебер позволяет понять, каким образом эта уникальная интеллектуальная среда воздействовала на формулирование научных гипотез, их обсуждение (иногда за непринужденной домашней беседой), критику (весьма нелицеприятную, учитывая уровень участников), а также последующую проверку действием (в университетских курсах, публицистике, докладах на различных общественно значимых форумах). Реконструкция этого культурного слоя и перекрестных связей внутри него помогает представленный в книге именной комментарий.

В ряде других глав книги – "Политик дореволюционного периода"; "Интермеццо" и "Послереволюционный политик" (гл. XVII–XIX) находим четкую реконструкцию взглядов Вебера на политический режим, установившийся в Германской империи. Предпосылкой формирования его политических суждений были национально-либеральные убеждения отца, но к ним вскоре добавились новые элементы – интерес к социальному и рабочему вопросу, движению за женское равноправие (активным деятелем которого была Марианна Вебер). В этом смысле книга содержит большой фактический материал об отношении Вебера к проблемам социальной политики его времени – реформам избирательного права и привилегиям, партийной системе, семье, еврейскому вопросу, феминизму, реформам высшего образования, печати, его участию в судебных процессах и т. д. Вебер не был приверженцем какой-либо одной идеологии или партии, но стремился интегрировать позитивные элементы каждой из них в своей политической публицистике: с консерваторами его сближал национальный пафос и убеждения государственника, с либералами – демократические идеалы и индивидуалистические убеждения; с социалистами (к которым он в целом относился отрицательно) – признание важности своевременного разрешения социальных вопросов. Для него поэтому была характерна (как и для всего восточноевропейского либерализма) апелляция к просвещенной бюрократии, способной, как он надеялся, к стратегическому мышлению и ква-

лиффицированному решению задач внутренней и внешней политики. Он разделял присущую либералам его эпохи убежденность в необходимости сильного национального государства, воплощением которого был Бисмарк.

В то же время Вебер видел фундаментальный порок имперской системы в ее недостаточной гибкости, авторитаризме, установлении господства юнкерства и режима личной власти Бисмарка, "цезаристское солнце которого выжгло у бюргерства медленно развивающуюся способность суждения" (с. 194). Эти выводы Вебера, сформулированные столетие назад, представляются актуальными на современном этапе. Они позволяют, в частности, отказаться от упрощенного видения переходных процессов от авторитаризма к демократии, представляющего их как линейный и бесконфликтный процесс. Вебер показал, что между чистыми идеальными типами авторитаризма и демократии возможны различные промежуточные варианты, представляющие собой комбинацию черт той и другой системы. Он определял эту систему как мнимый конституционализм, полагая, что она является исторически переходной и внутренне неустойчивой – может эволюционировать как в направлении парламентаризма (британского типа конституционной монархии), так и бонапартизма и диктатуры. Та "вертикаль власти", которую создал Бисмарк и которая была достаточно эффективна в период объединения страны, оказалась неадекватна ситуации в последующий период "личного правления" кайзера Вильгельма II, которого Вебер презирал за политический дилетантизм, ограниченность и непредсказуемость, говоря, что "он рассматривает политику на манер обычного лейтенанта" (с. 113). Как показывают приводимые в книге выдержки из писем Вебера, он пророчески указывал, что данная система в силу отсутствия парламентского контроля над монархом, повсюду ведет не только к господству земельной аристократии, но и к бюрократической стагнации, милитаризации, а также непредсказуемым действиям во внешней политике, следствием которых стали внешнеполитическая изоляция Германии, начало мировой войны и крушение монархического режима в результате. "Создается впечатление, – резюмировал он в 1916 г., – что нами правят помешанные" (с. 461). Программа реформ данной системы, предложенная Вебером, была типична для умеренного либерализма: расширение избирательного права и отказ от курриальной системы, усиление парламентского контроля, демократизация государственных институтов, новые (основанные на партийном представительстве) механизмы селекции политических лидеров, устранение господства чиновников в политике и рационализация бюрократии, отказ от монархической диктатуры. Сам Вебер полусерьезно отождествлял себя с иудейским пророком Иеремией, отмечая сходство положения таких "пророков бедствий" в условиях национальной катастрофы Иудеи и послевоенной Германии (с. 487).

Для русского читателя чрезвычайно интересны те параллели между Германией и Россией, которые были проведены Вебером в цикле специальных работ о русской революции. Интерес Вебера к России имел глубокий теоретический и политический характер. С одной стороны, его интересовала ситуация трансформации традиционного аграрного общества, связанные с этим дискуссии в русской общественной мысли (чтение славянофилов и западников, Толстого, Достоевского, вообще изучение русской религиозной традиции и культуры); с другой – он считал результатом русской революции 1905–1907 гг. переход от самодержавия к политическому режиму, аналогичному германскому, т. е. системе мнимого конституционализма. Изучив русский язык, Вебер, по свидетельству Марианны, "полностью сжился с душой и культурой русского народа и в течение ряда месяцев, затаив дыхание, напряженно следил за развитием русской драмы". Вебер вскоре понял, однако, что "завоеванные у автократии формы принесли лишь видимость свободы, а не ее саму. С чисто азиатской хитростью полицейское государство саботировало поставленные самому себе границы"; "династические амбиции личного правления так же препятствуют там деятельности крупного реформатора, как в других странах, в том числе и у нас"; "революция заходит в тупик, грядут новые беды" (с. 287). В этом контексте его интересовали возможности русского гражданского общества и либерального конституционализма, разработка проекта российской конституции, перспективы и трудности либерального движения.

Теоретические аргументы дополнялись практикой политического действия: выступлениями в печати против авторитарной интерпретации конституции монархом; участием в консолидации либеральной парламентской оппозиции, а после крушения кайзеровского режима – попытками найти выход из революционного хаоса опираясь на поддержку армии (вера Вебера в то, что "объединить нацию мог бы только Гинденбург" и переговоры его с Максом Баденским и Людендорфом) (с. 472, 535–536). Вебер являлся принципиальным противником революционного разрешения социального конфликта в Германии, полагая, что социалистическая программа представляет собой утопию, а рабочий класс не достиг политической зрелости – "в нем нет той искры катилиновской энергии действия, но нет и дыхания властной национальной страсти, которая господствовала в залах французского Конвента" (с. 194). Результатом коммунистического путча (который Вебер имел возможность наблюдать в Баварии), осуществленного кучкой фанатиков из "безумной банды Либкнехта" (с. 520), может стать только кровопролитие, финансовый крах, распад страны и установление военной диктатуры русского типа (именно так Вебер не вполне точно определял большевистский режим в России).

В этом контексте необходимо затронуть проблему империализма Вебера, в котором его неоднократно (и не без основания) упрекали. Некоторые его идеи (например, о необходимости выселения польских мигрантов и закрытия для них границ для обеспечения немецкой экономической и военной самодостаточности); признание и героизация войны как способа разрешения международного конфликта ("эта война велика и замечательна"; "героическая смерть за свободу и честь нашего народа – высшая доля" и проч.) (с. 435 и 440); стремление отстоять "войну до победного конца"; отрицание исторической вины Германии в развязывании этой войны, заявления о коварстве Англии и Франции и рассмотрение России как ее инициатора и "самого опасного врага", ибо "угроза оттуда связана с давлением растущего населения и жаждой земли русскими крестьянами – единственная, направленная против существования Германии как национального могущественного государства" (с. 476), отказ от принятия условий Версальского договора – репараций и разоружения побежденной Германии (с. 539), приверженность Вебера монархической форме правления, так как "она выводит вершину правления из конкурентной политической борьбы, предоставляет известную устойчивость курса и независимость правительства от партий" (с. 480), а затем (после революции) обоснование по тем же причинам режима имперского президентства и сильного национального лидерства людей, "обладающих натурой вождя" (с. 482) – дают основания для такого вывода. Не следует забывать, однако, что Вебер разделял эти идеи с представителями либерализма своего времени, выступавшими со сходных позиций как в Англии (лорд Р. Солсбери), так и в России (где аналогичные идеи высказывал, например, П.Н. Милоков).

Эти идеи определили характер участия Вебера в разработке Веймарской конституции. Рассматривая конституционно-правовые вопросы как политические, Вебер видел смысл конституционного проекта в восстановлении государства на началах плебисцитарной демократии. Являясь сторонником унитарного государственного строя, он, однако, полагал, что тенденции к сепаратизму и децентрализации, проявившиеся в ходе революции, могут быть ослаблены введением федерализма, уравновешиваемого сильной центральной властью национального парламента и рейхспрезидента, созданием особой государственной палаты, представительство отдельных германских государств в которой интегрирует их в единую политическую систему. Оптимальной формой правления он считал президентскую республику. Веберу принадлежит концепция сильной президентской власти (в ее американском, а не французском понимании того времени), которая должна формироваться путем всеобщих национальных выборов и обладать способностью обращаться к населению через голову парламентских партийных фракций, располагать прерогативой вводить в случае необходимости чрезвычайное положение для подавления анархии. Меньше внимания уделялось опасности воспроизводства цезаризма в новой форме президента как "эрзац-кайзера". Те исследователи, которые упрекали Вебера за авторитаризм (и даже невольную идеологическую подготовку нацистского

режима), не могли отрицать того факта, что его идеи имеют логическое обоснование и вытекают из всей предшествующей деятельности, направленной на создание сильного демократического национального лидерства. Очевидна актуальность этих дискуссий для современной России, стоящей перед схожей дилеммой: как совместить конституционные гарантии политических прав, федерализма, многопартийности и демократической легитимности в целом с поддержанием преемственности власти, эффективности и предсказуемости политического курса.

Реконструкция политической мысли Вебера, представленная в книге, позволяет ответить на главный вопрос – о соотношении науки и политики. Они выражают две стороны творчества – созерцательную и активную. Первая связана с интеллектом, направленным на свободное от предрассудков, универсальное, мыслящее господство над миром, вторая – с деятельной волей, способной создавать убеждения и решительно их отстаивать. В практической деятельности они должны быть разделены: ученый, выступая с кафедры, не может проповедовать определенной политической идеологии, политик, напротив, должен быть пристрастен, отстаивая свое право на власть. Однако эти две сферы деятельности имеют нечто общее за пределами их практической интерпретации: их объединяет принятие определенных этических стандартов. Разработка этих стандартов возможна на высшем философском уровне публичной этики и становится уделом мыслителя, способного возвыситься над побуждениями массового общества и выступить в качестве эксперта, определяющего социально значимые границы нравственного содержания и ответственности своей эпохи.